

къ религіозному міропониманію. Такова логика мистическаго развитія тѣхъ, въ комъ доминируютъ запросы ума.

Уже въ этомъ вырисовывается для насъ отчасти индивидуальность Толстого. Мы увидимъ въ свое время, что нѣкоторые основные пункты его религіозной системы остались слабо развитыми въ силу указанной его мистической узости. Толстой, правда, нашель для себя разрѣшеніе своихъ мистическихъ запросовъ, но, будучи однобокой, чисто умовой натурой, онъ остался однобокимъ и въ своихъ формулахъ,—а при рѣзкости и даже деспотичности своего ума онъ доходилъ до такихъ крайностей, которыхъ не можетъ простить ему самая широкая терпимость, и которыхъ по истинѣ онъ долженъ былъ стыдиться. Но оставимъ это.

Толстой пришелъ къ религіи, руководимый тѣмъ естественнымъ Богосознаніемъ, которое зажигается въ каждой мистической натурѣ. Отсюда именно и объясняется любопытная черта въ религіозной жизни Толстого: ему совершенно чуждо понятіе Откровенія. Оно было психологически ему не нужно, такъ какъ съ упорствомъ индивидуалиста Толстой признавалъ правду лишь тамъ, гдѣ она выступала какъ самостоятельно пережитой опытъ. Довѣрія къ чужому религіозному опыту,—не говоря уже о той нѣжной любви, которой онъ достоинъ,—Толстой не зналъ и не хотѣлъ знать. Эмпиризмъ ап. Θомы воскресъ въ Толстомъ въ душной атмосферѣ индивидуалистической психологіи,—и наложилъ на него печать мрачной и узкой, порой даже вульгарной и грубой, нетерпимости къ чужому религіозному опыту.

Мистицизмъ, эмпиризмъ и индивидуализмъ—вотъ основные черты религіозной личности Толстого. Онъ менѣе всего рационалистъ, хотя онъ упорно претендуетъ на это и хотя его любятъ такъ характеризовать: на самомъ дѣлѣ, рационализмъ, вырастающій на основѣ мистическихъ переживаній, никогда не чуждается Откровенія. И западное и восточное богословіе оставило намъ много религіозно-философскихъ построеній, опирающихся на Откровеніе, на исповѣданіе Церкви. У Толстого же мы найдемъ рационализмъ лишь въ отрицательной части его религіозной системы, въ его критикѣ церковнаго христіанства. И кто захочетъ углубиться въ смыслъ и значеніе этой критики, тотъ увидитъ, что ссылки на разумъ, отрицаніе всего непостижимаго появляются лишь тамъ, гдѣ это нужно Толстому. Его же собственныя религіозныя концепціи